

САРА
МАКЛЕЙН

Распутник

ПОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44
М15

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Sarah Maclean
A ROGUE BY ANY OTHER NAME

*Перевод с английского Е. Максимовой
Компьютерный дизайн А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора, издательства Grand Central Publishing и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маклейн, Сара

М15 Распутник : роман / Сара Маклейн; пер. с англ. Е. Максимовой. — Москва: АСТ, 2014. — 348, [4] с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-085002-0

Десять лет назад лондонский свет беспощадно изгнал маркиза Борна и закрыл перед ним все двери.

Теперь легкомысленный некогда юноша стал хладнокровным и циничным владельцем дорогого игорного клуба.

Однако он намерен вернуться в светское общество — и готов ради этого на все, даже на брак с Пенелопой Марбери — безупречной леди, не имеющей недостатков.

Жена не должна страдать за грехи мужа, и маркиз дает себе слово: Пенелопы не коснется тень скандальной славы супруга. Но его ждет сюрприз — под маской невинности и благопристойности скрывается женщина, втайне мечтающая не о тихой семейной жизни, а о самых рискованных приключениях и пылких наслаждениях страсти...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84 (7Coe)-44

© Sarah Trabucchi, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

Борн

Лондон

Зима 1821 года

Восьмерка бубен его погубила.

Будь это шестерка, он бы сумел выкарабкаться. Выпади семерка, он бы утроил свои владения.

Но выпала восьмерка.

Юный маркиз Борн смотрел, как карта скользит по роскошному зеленому сукну и приземляется прямо рядом с семеркой треф, что лежит на столе лицом кверху и дразнит его. Вот он уже закрывает глаза, а воздух из комнаты словно улечивается с невыносимым шелестом.

Vingt et deux*.

На единицу больше, чем vingt et un**, на которое он поставил.

На которое поставил все.

В комнате раздался общий вздох, когда он остановил карту, прижав ее кончиком пальца, — будто зеваки наблюдали за разворачивающимся перед ними ужасом, искренне наслаждаясь тем, что едва сумели избежать собственной подобной участи.

Затем раздались голоса:

* Двадцать два, карточный термин (*фр.*).

** Двадцать одно, карточный термин (*фр.*).

- Он поставил все?
- Все, что не входит в майорат.
- Слишком молод, еще ничего не понимает.
- Зато теперь повзрослел. Ничто не делает юнца мужчиной быстрее, чем такое.
- Он в самом деле потерял все?
- Абсолютно.

Его глаза открылись, сосредоточились на человеке, сидевшем напротив, наткнулись на холодный взгляд серых глаз, знакомых ему всю жизнь. Виконт Лэнгфорд, друг и сосед отца. Именно он стал его опекуном. После смерти родителей именно он вдесятеро умножил его владения, именно он обеспечил его преуспевание.

А затем отнял все.

Сосед? Вероятно. Но отнюдь не друг.

Предательство жгло юного маркиза.

— Вы сделали это специально.

Впервые за двадцать один год жизни он услышал мальчишеские нотки в своем голосе, и это ему не понравилось.

На лице противника не отразилось никаких эмоций, когда он поднял с середины стола запись игры. Борн с трудом удержался, чтобы не поморщиться при виде собственной самонадеянной подписи, идущей через весь белый лист, — доказательства, что он потерял все.

— Это твой собственный выбор. Ты сам решил поставить на карту больше, чем был готов потерять.

Его обобрали как липку. Лэнгфорд давил на него и давил, подталкивал все дальше и дальше, позволяя выигрывать до тех пор, пока все мысли о возможном проигрыше не улетучились у него из головы. Уловка древняя, как мир, но Борн оказался слишком молод, чтобы ее заметить. И слишком не-терпелив.

Борн поднял на него взгляд.

— А ваш выбор — прибрать все это к своим рукам.

— Без моих забот и выигрывать было бы нечего, — усмехнулся виконт.

— Отец! — вперед шагнул Томас Оллес, сын виконта и самый близкий друг Борна. Голос его дрожал. — Не делай этого.

Лэнгфорд неторопливо свернул запись и встал из-за стола, не обратив внимания на сына, зато смерив Борна холодным взглядом с головы до ног.

— Тебе бы следовало поблагодарить меня за такой ценный урок, полученный в таком юном возрасте. К сожалению, теперь у тебя нет ничего, кроме того, во что ты одет, и пустого особняка.

Виконт глянул на столбик монет на столе — остаток его сегодняшнего выигрыша.

— Я оставляю эти деньги тебе, не возражаешь? Прощальный подарок, если хочешь. В конце концов, что бы сказал твой отец, оставь я тебя вообще без ничего?

Борн вскочил со стула, тот с грохотом полетел на пол.

— Вы не достойны говорить о моем отце!

Лэнгфорд вскинул бровь, увидев столь невозддержанное поведение, и на некоторое время замолчал.

— Знаешь, пожалуй, я все-таки заберу эти деньги. А заодно отменю твое членство в этом клубе. Тебе пора уходить.

Щеки Борна запылали, когда сказанное до него дошло. Лэнгфорд лишил его членства в клубе. Земель, слуг, лошадей, одежды — всего. Всего, кроме дома, нескольких акров земли и титула.

Титула, ныне опозоренного.

Виконт в насмешливой ухмылке приподнял уголок рта и швырнул Борну гинею. Тот инстинктивно поймал монету, сверкнувшую золотом в ярком свете карточной комнаты клуба «Уайтс».

— Трать ее с умом, мальчишка. Это последнее, что ты получишь от меня.

— Отец! — снова попытался Томми.

Лэнгфорд повернулся к нему.

— Больше ни единого слова. Я не потерплю, чтобы ты просил за него.

Старый друг кинул на Борна печальный взгляд и беспомощно развел руками. Томми нуждался в отце. Нуждался в его деньгах. В его поддержке.

Во всем том, чего Борн был теперь лишен.

На краткий миг вспыхнула ненависть, жаркая и пылающая, и тут же исчезла, сменившись холодной решимостью. Борн сунул монету в карман и резко повернулся спиной к своим братьям-пэрам, своему клубу, к своему миру и к той единственной жизни, которую до сих пор знал.

Поклявшись отомстить.

Глава 1

Начало января 1831 года

Борн не шевельнулся, когда услышал, как дверь в частные апартаменты открылась и негромко закрылась.

Он стоял в темноте, и лишь его силуэт выделялся на фоне замаскированного окна, выходявшего на главное помещение самого привилегированного игорного ада Лондона, словно в насмешку носившего название «Ангел».

Взгляд Борна переместился к столу для игры в пикет, стоявшему в дальнем конце игорного зала.

— Крус хочет, чтобы ему увеличили кредит.

Управляющий игорным залом не сдвинулся с места. Он по-прежнему стоял в дверях, ведущих в апартаменты владельцев.

— Да.

— Он уже задолжал больше, чем когда-либо сможет заплатить.

— Да.

Борн повернул голову, посмотрел в скрытые тенью глаза своего самого надежного служащего.

— Что он готов поставить в обеспечение повышенного кредита?

— Две сотни акров земли в Уэльсе.

Борн немного понаблюдал за лордом, обливавшимся потом и нервно дергавшимся в ожидании решения.

— Увеличивай. Когда проиграет, выпроводи его отсюда. Его членство аннулируется.

Решения Борна подвергались сомнению редко — и вовсе никогда персоналом «Ангела». Его собеседник направился к двери так же неслышно, как вошел, но прежде чем он успел шагнуть за дверь, Борн произнес:

— Джастин.

Молчание.

— Сначала земля.

Лишь мягкий щелчок дверного замка дал знать, что управляющий вообще здесь был.

Несколько мгновений спустя он появился в зале внизу, и Борн увидел, как он подал знак крупье. Карты раздали, граф проиграл. Снова. И снова.

И еще раз.

Существуют люди, которые не понимают, что происходит с ними.

Те, кто никогда не играл, кто не испытывал возбуждения при выигрыше, кто не уговаривал себя, что вот еще одна партия, еще одна раздача, еще одна попытка... которая превращалась в сотню, в тысячу, в десять тысяч...

Те, кому незнакомо упоительное, восторженное, ни с чем не сравнимое ощущение, что ты близок к цели, что ночь принадлежит тебе, что все может измениться при помощи одной-единственной карты...

Они никогда не поймут, что удерживало графа Круса в кресле, что заставляло его ставить снова и снова, быстро, как молния, до тех пор, пока он не проиграл все. Снова. Будто ничего из того, что он поставил на карту, никогда ему и не принадлежало.

Борн понимал.

Джастин подошел к Крису и что-то зашептал на ухо поверженному графу. Тот поднялся на неверные ноги. Гнев заставил его наморщить лоб, ярость и замешательство толкнули к управляющему.

Борн не слышал, что тот говорил, но ему это и не требовалось. Он слышал такое сотни раз — видел мно-

жество мужчин, сначала потерявших все свои деньги, а потом пытавшихся обрушить свой гнев на «Ангела». На него.

Он наблюдал, как Джастин шагнул вперед, подняв руки в предостерегающем жесте. Наблюдал, как двигались губы управляющего, пытавшегося успокоить графа и уладить все миром. Тщетно. Наблюдал, как прочие игроки заметили суматоху, как Темпл, крупный партнер Борна, направился к месту стычки, готовясь к драке.

Только тогда Борн шевельнулся, протянул руку к стене и дернул за шнур, приведя в действие сложную систему рычагов и шкивов. Под столом для игры в пикет зазвенел колокольчик, привлекая внимание крупье. Извещая его, что сегодня вечером Темплу драться не придется.

Этим займется Борн.

Крупье не дал Темплу применить свою невероятную силу. Взгляд черных глаз Темпла упал на витражное стекло, он повел Круса через толпу народа, заполнявшую зал.

Борн покинул апартаменты владельцев и спустился вниз, чтобы встретиться с Крусом в небольшой приемной, расположенной в стороне от главного зала клуба. Когда Борн открыл дверь и вошел внутрь, Крус бранился, как портовый грузчик. С ненавистью прищурившись, он обрушился на Борна:

— Ты ублюдок! Ты не можешь поступить так со мной! Не можешь забрать то, что принадлежит мне!

Борн прислонился к тяжелой дубовой двери, скрестив на груди руки.

— Ты сам вырыл себе могилу, Крус. Отправляйся домой и скажи спасибо, что я не беру больше, чем мне причитается.

Не успев хорошенько подумать, Крус кинулся через большое помещение, но Борн, двигаясь стремительно, чего мало кто ожидал, схватил графа за руку и начал выворачивать ее, пока тот не оказался прижатым лицом к двери. Борн тряхнул его раз, другой и произнес:

— Советую как следует подумать о том, что ты сделаешь дальше. А то я перестану быть таким же великодушным, как несколько минут назад.

— Я хочу увидеть Чейза! — невнятно прозвучали сказанные в дверь слова.

— Вместо него ты видишь нас.

— Я был членом «Ангела» с самого начала! Вы мне должны. Он мне должен!

— Совсем напротив, это ты нам должен.

— Я оставил тут кучу денег...

— Какая щедрость! Может, нам принести книги и посмотреть, сколько ты задолжал? — Крус затих. — Ага. Вижу, ты начинаешь понимать. Земля теперь принадлежит нам. Завтра с утра ты пришлешь к нам своего поверенного, чтобы оформить документы, или я загляну к тебе лично. Это понятно? — Борн не стал дожидаться ответа. Он отступил назад и отпустил графа. — Убирайся.

Крус повернулся к ним, в глазах его металась паника.

— Забирай землю, Борн. Но только не членство... не лишай меня членства! Я вот-вот женюсь. Ее приданое покроет все мои долги и даже больше! Не лишай меня членства.

Борн ненавидел эту хныкающую мольбу. Он знал, что Крус не в силах удержаться от игры. От искушения однажды сорвать куш.

Если бы у Борна оставалась хоть капля сострадания, он бы пожалел ничего не подозревающую девушку.

Но сострадание не относилось к чертам характера Борна. Крус обратил безумный взгляд на Темпла.

— Темпл. Пожалуйста!

Одна из черных бровей Темпла поползла вверх. Он скрестил на широкой груди массивные руки.

— Я уверен, с таким щедрым приданым тебя ждет любой из других игорных домов.

Разумеется, они ждут. Мерзкие притоны, полные убийц и мошенников, с распростертыми объятиями встретят это насекомое и его жалкую удачу.

— К дьяволу эти притоны! — выругался Крус. — Что скажут люди? Чем это для меня кончится? Я заплачу вдвойне... втройне! У нее куча денег!

Борн был очень деловым человеком.

— Женишься на девушке, выплатишь свои долги — с процентами, и мы восстановим твоё членство.

— А что я буду делать до этого? — Скулеж графа был от-вратителен.

Темпл вздохнул:

— Ты стал мне противен. Пошел вон!

— Убирайся, — scomандовал Борн, — пока я не решил, что тебя стоит поколотить.

Граф высочил из комнаты.

Борн посмотрел ему вслед, разгладил жилет и поправил шюртук. Потом посмотрел в ближайшее зеркало, проверяя, как выглядит его галстук.

— Могу я пригласить тебя на ринг? — спросил он, под-няв глаза на приятеля.

— Когда угодно.

— Никто не выходит на ринг, и уж точно не с Темплом.

Борн и Темпл разом обернулись на голос, раздавшийся из-за потайной двери в дальнем углу комнаты, откуда за ними наблюдал Чейз.

Темпл захохотал и снова повернулся к Борну.

— Видишь? Чейз знает, что тебе со мной не справиться.

Чейз налил себе стакан скотча из графина, стоявшего на ближайшем буфете.

— Это не имеет никакого отношения к Борну. Просто ты сложен, как каменная крепость. С тобой не справится никто. — Слова прозвучали насмешливо. — Кроме меня, конечно.

Темпл откинулся на спинку кресла.

— В любой миг, когда тебе захочется встретиться со мной на ринге, Чейз, я непременно высвобожу для тебя минутку.

Чейз повернулся к Борну.

— Ты обчистил Круса. — Он обошел комнату.

— Все равно что отнять конфетку у ребенка.

Темпл захохотал и встал, выпрямившись во все свои шесть с половиной футов.

Чейз смотрел, как тот пересекает комнату, направляясь к двери.

— Ты что, так и не подрался сегодня?

Темпл помотал головой:

— Борн меня опередил.

— Ну, время еще есть.

— Надеяться никому не запрещено.

Темпл вышел, дверь за ним плотно закрылась. Чейз вернулся к буфету, налил еще порцию скотча и подошел к камину, в который пристально уставился Борн. Тот взял предложенный стакан и сделал большой глоток золотистой жидкости, наслаждаясь тем, как она обжигает горло.

— У меня есть для тебя новости. — Борн выжидательно повернул голову. — О Лэнгфорде.

Сказанное словно захлестнуло его. Он девять лет ждал этого момента, и не важно, что именно сейчас сообщит ему Чейз. Девять лет он дожидался новостей о человеке, лишившем его прошлого, того, что принадлежало ему по праву рождения.

Его истории.

Всего.

В ту ночь Лэнгфорд отнял у него все — земли, деньги, все, кроме пустого особняка и нескольких акров земли в центре большого поместья, Фальконвелла. Глядя, как все это ускользает у него из рук, Борн не понимал мотивов старика.

Он жаждал одного — отмщения. Он так долго дожидался.

Потребовалось девять лет, но Борн восстановил свое состояние и даже удвоил его. Деньги, получаемые от партнерства в «Ангеле», а также несколько удачных инвестиций дали ему возможность создать владения, которые могли соперничать с любимыми в Англии, даже самыми экстравагантными.

Но он так и не смог получить обратно то, что утратил.

Лэнгфорд держался за Фальконвелл крепко и отказывался продавать, несмотря на любую предложенную цену, какой

бы могущественный человек ни делал предложение. А люди предлагали очень влиятельные.

Но он так упорно трудился и зарабатывал деньги не ради земель в Уэльсе, Шотландии, Девоншире и Лондоне.

Все это делалось только ради Фальконвелла.

Тысяча акров роскошных зеленых земель, бывших когда-то гордостью маркиза Борна. Земель, которые его отец, дед и прадед собрали вокруг особняка, передававшегося от маркиза к маркизу.

— Что? — Он увидел ответ в глазах Чейза еще до того, как тот успел что-то сказать, и выругался длинно и витиевато. — Что он с ним сделал, с моим поместьем?

Чейз колебался.

— Борн, — начал Чейз, осторожно подбирая слова, — он его не удержал.

В душу закрался холодный ужас.

— Что значит — не удержал?

— Лэнгфорд больше не владеет землями в Суррее.

Борн помотал головой, не в силах понять.

— И кто же владеет ими теперь?

— Маркиз Нидэм и Долби.

Мелькнуло воспоминание многолетней давности — тучный мужчина с ружьем в руке идет по грязному полю в Суррее, а следом бегут хихикающие девчонки мал мала меньше, и у самой старшей из них голубые глаза, серьезнее которых Борн никогда больше не встречал.

Соседи его детства, третье семейство святой троицы суррейских аристократов.

— Моя земля у Нидэма? Каким образом он ее заполучил?

— Как ни забавно, выиграл в карты.

Борн не нашел в этом и тени юмора. Наоборот, от мысли о том, что Фальконвелл поставили на кон и проиграли в карты — опять! — его бросило в дрожь.

— Приведи его сюда. Нидэм играет в экарте. Фальконвелл снова станет моим.

Чейз удивленно откинулся на спинку кресла.

— И ради него ты снова поставишь все на кон?

Борн ответил мгновенно:

— Ради него я пойду на все, что угодно.

— Ты так считаешь?

Борн почувствовал неладное.

— Что ты знаешь такого, о чем не знаю я?

Брови Чейза взлетели вверх.

— Ты не сможешь просто забрать их назад.

— Почему?

Чейз колебался.

— Они идут с... кое-чем еще.

Холодная ненависть пронзила Борна. Он ждал этого десять лет — момента, когда сможет воссоединить Фальконвелл-Мэнор с прилегающими к нему землями.

— Идут с чем?

— Скорее с кем.

— У меня нет настроения решать твои загадки.

— Нидэм объявил, что бывшие земли Фальконвелла включаются в приданое его старшей дочери.

От потрясения Борн даже пошатнулся.

— Пенелопы?

— Ты знаком с леди?

— Прошли годы с нашей последней встречи — почти двадцать. Нет, шестнадцать.

Она была там в день, когда он в последний раз покидал Суррей после похорон родителей — в пятнадцать лет, выброшенный в новый мир без семьи.

Она видела, как он забрался в карету, и серьезный взгляд ее голубых глаз не дрогнул, когда она смотрела вслед карете, катившейся по длинной дорожке, ведущей прочь от Фальконвелла.

Она не отвела глаз до тех пор, пока карета не свернула на главную дорогу.

Он это знал, потому что тоже смотрел на нее.

Она была его другом. Это было в ту пору, когда он еще верил в друзей.

А еще она была старшей дочерью двойного маркиза, у которого денег было больше, чем человек может потратить за свою жизнь. И не существовало никаких причин, по которым она могла бы столько лет оставаться в старых девах. Ей давно полагалось быть замужем и иметь целый выводок маленьких аристократиков.

— Почему Пенелопе потребовался в приданое Фальконвелл? — Он помолчал. — Почему она до сих пор не замужем?

Чейз вздохнул:

— Было бы неплохо, если бы хоть один из вас интересовался делами светского общества вообще, а не только нашим ограниченным членским составом.

— Наш «ограниченный членский состав» насчитывает более пятисот человек. И на каждого имеется досье толщиной в мой большой палец, наполненное информацией благодаря твоим партнерам.

— Тем не менее у меня по вечерам есть дела поинтереснее, чем просвещать тебя о жизни мира, в котором ты родился.

Борн прищурился. Он не представлял себе Чейза, проводившего свои вечера каким-то иным образом, чем в полном одиночестве.

— И что это за дела?

Проигнорировав вопрос, Чейз сделал еще глоток скотча.

— Леди Пенелопа сделала свой выбор еще несколько лет назад.

— И?

— Помолвка оказалась омрачена любовью жениха к другой.

Какая старая сказка, слышанная бесчисленное множество раз, и все-таки у Борна возникло какое-то непривычное чувство при мысли, что девушке, которую он до сих пор помнил, причинили боль, разорвав помолвку.

— Любовь к другой? — презрительно фыркнул он. — Скорее эта другая была симпатичнее или богаче. И чем все закончилось?

— Мне говорили, что в последующие годы к ней сватались несколько раз, тем не менее она до сих пор не за-